

УКТАМ УСМАНОВ

Наегине

Kitob shu yerda ko'rsatilgan muddatdan
kechiktirilmagan holda topshirilishi shart

Ilgarigi berilmalar miqdori _____

--	--

821.512.153-31

У 75

УКТАМ УСМАНОВ

Наедине

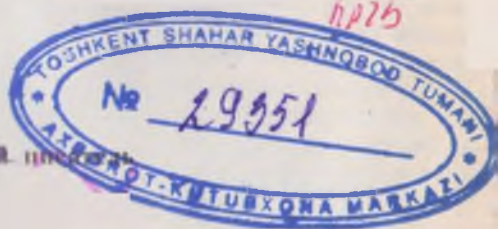
ROMAN

Авторизованный перевод
с узбекского В. Панкиной

Москва

~~СОВЕТСКИЙ~~ 1982

1982

Роман «Наедине» — первое крупное произведение известного узбекского прозаика Уктама Усмано́ва. Оно посвящено нашим современникам — труженикам полей, ученым. Главный герой — молодой селекционер Азиз Касымов — занимается выведением нового сорта хлопка, устойчивого к заболеваниям, урожайного. Некоторые из ученых, встречающихся на пути Азиза, не верят в успех пового дела. Но научный поиск Касымова и его победа доказали, как велика и благородна борьба во имя интересов человека и общества.

Художник Анатолий ЧЕНШКОВ

4702570200—382

083(02)—82

296—81

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1982 г.

Жаркое лето.

Солнце, весь день поливавшее землю жгучими лучами, казалось, и само изнемогло и решило прилечь-передохнуть. Горизонт на западе побагровел, небесный свод приобрел цвет аниса. И только вершины далеких гор не хотели расставаться с голубизной, извечной голубизной неба, к которому они тянулись.

На Чиланзаре наступил час, когда тени от красных и пепельно-серых зданий становятся такими длинными, будто стремятся от них убежать. Раскаленный асфальт источает душную марь. На улицах гомон и суета; машины, целые караваны машин снуют туда-сюда, туда-сюда, словно их подгоняют люди, спешащие после работы домой. Автобусы переполнены, пассажиры висят на подножках, ухватившись за поручни и друг за друга. Еще чуть-чуть — и вон тот автобус, похоже, не устоит, свалится набок, но нет, ничего — он бодро катит дальше, выпуская одних и принимая других пассажиров. На остановках люди изнывают от жары, кучками пристраиваются в тени, мечтая о прохладном, спасительном ветерке — ну подуй, сделай милость.

Сквозь людской поток к мостовой пробирается молоденькая женщина. Она только что вынырнула из магазина и бережно держит в руках бутылку хлопкового масла. На женщине застиранное атласное платье, голова ее обвязана полотенцем. Она среднего роста, тоненькая, как былинка, во всем ее облике есть что-то девичье, что-то незащищенное. Однако лицо ее уже поблекло, глаза потускнели, у нее отрешенный, безрадостный вид.

Переходя улицу, женщина едва не угодила под машину. Голубая «Волга» заскрежетала тормозами, тяжело проползла по асфальту, остановилась. Дверца распахнулась, из машины выбрался стройный, похожий на спортсмена, мужчина лет тридцати. Одет он был в ладный коричневый шерстяной костюм, словно на дворе не стояла жаркое, на редкость жаркое лето.

Он направился к женщине уверенной, пружинистой походкой, поигрывая ключами на замысловатом серебряном брелоке.

— Вот это встреча! Здравствуйте, Салтанатхон! — он радостно улыбнулся.

Женщина, растерявшаяся от испуга, резко подняла голову и залилась краской. Первым ее побуждением было спрятать бутылку за спину, но, поняв, что он уже заметил ее, переложила бутылку из одной руки в другую и сконфузилась еще сильнее. Салтанат мысленно обругала продавца, который поленился завернуть ее покупку в бумагу, и тут же спохватилась, вспомнила, что на голове у нее полотенце. «Вай, на кого я похожа!» — подумала она и нервно затеребила свой полотенечный тюрбан тонкими красивыми пальцами. «Надо же такому приключиться! В каком я виде!..»

Салтанат собралась было приготовить ужин и даже разожгла огонь под казаном и вдруг обнаружила, что в доме нет ни капли масла. Она засуетилась: «Магазин вот-вот закроется», выключила газ и в спешке выбежала из дому. Ей сейчас было мучительно стыдно за старое платье с разошедшимся на рукаве швом, за полотенце, которым она закрыла намазанные кислым молоком волосы; за стоптанные свои домашние туфли. Она так растерялась, что не могла вымолвить ни слова, не знала, как вести себя в этой неловкой, унижительной для нее, как она считала, ситуации.

Мужчина приблизился и протянул руку широким и спокойным жестом.

— Вы все такая же трусиха, Салтанатхон! На улице надо быть осмотрительнее!

— Это вы, Юлдаш? Вас не узнать! — заикаясь, еле слышно произнесла Салтанат, делая вид, будто только теперь его признала.

Юлдаш понял, как она растеряна, смущена, и постарался дать ей время успокоиться.

— Я слышал, что вы живете на Чиланзаре. Как ваше здоровье, как дела? Как ваш муж, все ли у него в порядке?

Салтанат стояла, опустив голову. Сильные руки Юлдаша, которые она видела так близко, совсем рядом, напомнили ей счастливые, беззаботные дни. Однажды эти руки невзначай обняли ее на такой же вот большой улице, но как давно это было! Воспоминание обожгло и раздосадовало ее. Салтанат бросила на Юлдаша быстрый сердитый взгляд, но тут же отвела его, не выдержав открытого, смелого взгляда Юлдаша.

— Спасибо, — Салтанат потупилась, но приметливым женским своим взором сразу охватила и модные ботинки, и отлично отутюженные брюки, и редкой белизны рубашку. «Чистый артист!» — подумала она.

— Вам далеко? Я с удовольствием подвезу вас.

— Нет, нет, спасибо! Я живу в двух шагах, вон в том доме! Потому и выскочила в магазин в чем была...

— Ничего страшного. Мы ведь старые друзья. Все мы так, все в бегах, все в спешке... Где работаете?

— У меня маленький ребенок, сын, — то ли с гордостью, то ли с горечью вымолвила она.

— Рад, очень рад нашей встрече. Вот перенугал вас только, но нечаянно, простите. Передайте привет мужу. А как чувствуют себя ваши родители? — Юлдашу явно не хотелось прощаться, и он задавал ей вопрос за вопросом почтительно и дружески.

Салтанат жаждала одного — поскорее прервать эту встречу, избавиться от неловкости и смущения.

— Спасибо, спасибо, все в порядке, все здоровы. Я спешу, извините. Может быть, заглянете в гости?

— Спасибо. Как-нибудь в другой раз.

Юлдаш улыбался ободряюще, но было ему очень грустно. Салтанат, гордость школы, его первая любовь, из-за которой он испытал столько мальчишеских светлых мук, так изменилась, так поблекла! Видно, ей досталась нелегкая доля. Он протянул ей руку и крепко сжал ее длинные, вялые пальцы.

Уже сидя за рулем, Юлдаш высунул голову в боковое окошко, улыбнулся Салтанат и тихонько тронул машину с места. Он еще долго и жадно смотрел на нее в зеркало — она шла медленно, понурая и жалкая. И что-то похожее на надежду шевельнулось в нем.

Около подъезда Салтанат помедлила, оглянувшись, будто не верила в то, что эта встреча действительно состоялась, что Юлдаш только-только стоял рядом. Она поднималась по лестнице и вспоминала, как однажды ее мать спросила:

— Ты ведь знаешь сына Апрафа-кузнеца из соседней махаллы? Он учился с тобой! У него еще дядя ученый, профессор по хлопку. Помнишь, он приходил к тебе на день рождения!

— А-а, вы говорите о Юлдаше! — рассмеялась Салтанат. — Вы ошибаетесь, мамочка, он учился не в моем классе, он старше на три года. Почему вы вспомнили о нем? С ним что-нибудь случилось?

— Ничего с ним не случилось! Видела его на днях, прямо-таки загляденье! Красивый, а как возмужал!.. Несу я всякую мелочь с Алайского базара, вдруг рядом останавливается машина, а в ней Юлдаш! За несколько минут домчал меня до дома. Говорит, он работал за границей, как и твой брат. Там и машину приобрел. Я-то его ни за что бы не узнала, это он меня заметил. И отец твой отзывается о Юлдаше высоко, говорит, что, если тот встретит на улице, никогда не пройдет мимо, не поздоровавшись самым вежливым образом. Вот так-то.

Мама бросила тогда на Салтанат ох какой красноречивый взгляд! Сколько в нем было укора: «Что же ты, доченька, не сумела выйти замуж за такого парня! И сама небось была бы красавицей за таким-то мужем, не превратилась бы в молодую старушку». Салтанат горько вздохнула и опять принялась ругать себя за то, что вышла на улицу в таком неприглядном виде. «Я в самом деле стала опускаться. Надо следить за собой! Я ведь была...»

— Хвастун несчастный, пикон! — вырвалось у нее невольно. — Все такой же противный хвастун и задавака! Надо же уметь: вырядился в жаропрочный шерстяной костюм! Щеголь эдакий! — Салтанат сердито и насмешливо хмыкнула. Однако сердце ее вдруг заныло, она почувствовала себя одинокой и несчастной.

* * *

Салтанат услышала за дверью плач сына. Она начала было лихорадочно открывать ее, потом остановилась, уткнулась лбом в прохладную дверную обивку. «Господи, да

что же это за жизнь такая? Скучная, все одно и то же, одно и то же! Неудачница я, неудачница! — горькие слезы душили Салтанат. — Юлдаш, да господи, как он робел, терялся передо мной раньше, а теперь? Смелый, уверенный в себе, красивый! Я, я оробела перед ним, растерялась... Замарашка, несчастная жена мужа-неудачника!» Ей стало так обидно, так досадно, так жаль себя, что в ней поднялись злоба и ожесточение на них, виновных во всех ее бедах. Она нарочито медленно открыла дверь, отнесла на кухню злополучную бутылку, присела на табурет. Не обращая внимания на крик ребенка, будто мстя ему за глубокую личную обиду, она сидела с каменным лицом, сидела упрямно и долго. Сын зашелся в плаче и тогда она вошла к нему в комнату. Сжав руку в кулак, Салтанат в тихой ярости ударила по спинке кровати.

— Вы отняли у меня счастье! Вы загубили мою жизнь! — ее голос сорвался, она разрыдалась.

Сын, словно поняв состояние матери, умолк. Салтанат опустилась на пол и замерла. Маниакально перебирая бахромку дорожки, на которой она сидела, Салтанат оглядела свое жилище, будто впервые его увидела. Детская кроватка, рядом — письменный стол мужа; запывлившееся, тусклое зеркало в облезлой деревянной раме; книги, папки, бумаги свалены кое-как на старой тумбочке, которая в любую минуту может развалиться. Через открытую дверь Салтанат посмотрела на так называемый зал. Когда они с Азизом переезжали сюда, на новую квартиру, отец купил им на первое время шесть подержанных стульев и круглый стол, — они стоят до сих пор. Дешевый палас; накрытый мрачным темным покрывалом телевизор «Рекорд»; старомодный диван и набитый до отказа простенькими яркими чайничками, пиалами буфет. Дверь на балкон, видно, открыта, кисейная занавеска, как парус, полощется в комнате. Салтанат, словно инспектируя все уголки своего дома, подняла глаза к потолку: голая лампочка покрыта толстым слоем пыли, на шнуре — паутина.

Ей стало горько из-за всего этого убожества. Она ясно осознала: счастье обмануло ее — ускользнуло незаметно; мечты не сбылись, а главное и самое ужасное — она разлюбила свой очаг, он стал ей чужим и постылым.

Салтанат представила себе квартиру соседа-журналиста. Чего там только не было! Немецкий гарнитур тем-

ного дерева, кругом ковры, хрусталь, все блестит и будто приглашает восхититься собой. Накануне переезда в этот дом счастливые Салтанат и Азиз любовались комнатами, пахнущими краской, советовались, обсуждали, куда что поставить. Тогда-то они и познакомились со своими будущими соседями, поздравляли друг друга с новосельем, радовались вместе. Тогда между этими двумя квартирами не было разницы — близнецы, да и только! А сейчас?.. Небо и земля!

Всхлипывания ребенка вывели Салтанат из тяжелого оцепенения. Она быстро поднялась, со злостью всунула соску в рот мальчику и, словно кто-то управлял ею, механически приблизилась к зеркалу. Она впилась глазами в свое отражение. Потухшие усталые глаза, продольные морщины у переносицы, на бровях застыли капельки кислого молока, бороздки от него на хмуром лбу, припухшие веки. Боже, опустившаяся домохозяйка, которая махнула на себя рукой! Неряшливая и поблекшая раньше срока! Женщина, которая никого и ничего не ждет. И это называется жизнью? Молодостью? «Куда исчезли мои девичьи мечты? — отчаянье охватило Салтанат, причина ей почти физическую боль. — Мама сказала правду... Какой он красивый! Как возмужал! Неужто это тот самый Юлдаш? Он по одному моему слову готов был прыгнуть с высокой крыши. Вздыхал, страдал, бегал за мной! Как быстро мчится жизнь! Я, дура, отвергла такого парня! Господи, господи, что, если я теперь расплачиваюсь за прошлое, за него...»

Салтанат с опаской вновь взгляделась в зеркало и вновь увидела, как она постарела, какое у нее стало недоброе лицо, какие чужие, не ее, глаза.

Раздался звонок в дверь. Салтанат вздрогнула и тут же сорвалась с места. Это Азиз, ну, сейчас я отведу душу! — решила она, упиваясь своей яростью, и открыла дверь нараспашку. На пороге стоял свекор.

Салтанат сегодня будто прозрела, ее глаза схватывали все в один миг, замечая то, что было долго вне ее внимания. Перед ней робко стоял Курбанбай-ата, старый человек, вся жизнь которого прошла в тяжком физическом труде. Руки со вздутыми жилами; изборожденное морщинами лицо, выдубленное солнцем и ветром; ветхая, но чистая одежда. Несколько лет назад, работая как-то на заготовке тутовника для шелкопряда, свекор упал с де-

рева и сломал ногу. Он пролежал в гипсе чуть не полгода, но старая кость срослась плохо, он стал хромать и теперь ходил с палкой.

Курбанбай-ата стоял на пороге весь в испарине — подъем по лестнице давался ему трудно — и улыбался. «Только его мне и не хватало», — пронеслось в голове Салтанат, и она, не скрывая раздражения, сквозь зубы пригласила свекра войти. «Кажется, я не вовремя», — понял Курбанбай-ата и, чуть помедлив у порога, кашлянул и вошел в переднюю. Кастрюлю с кислым молоком, которую держал в руке, он поставил на пол у самого входа.

— Как живете, невестушка, все ли здоровы? Как Азиз, как маленький? Устали, притомились вы с ним? Бабушка прислала ему кислое молоко, — вид у старика был виноватый, ему было неуютно наедине с этой враждебно настроенной женщиной.

Салтанат возилась у кровати сына, поправляя ему подушку. Не оборачиваясь к свекру, проворчала:

— Не пьет он кислое молоко! Мал еще! Я вам уже говорила не раз!

— Будет пить, — простодушно возразил старик. Он тянул шею, сиюсь разглядеть внука сквозь решетку кровати. — Кислое молоко помогает человеку в росте... А где Азиз? Еще не вернулся с работы?

Салтанат дернула плечом, сердито схватила сына и начала кормить его. Она бросала на старика косые взгляды — «Вы что, только со вчерашнего дня знаете своего сыночка?» — и все больше негодовала на непрошеного, не ко времени, гостя. Свекор так и не дождался от нее ответа, весь сжался от неловкости за нее, за себя и не знал, посидеть ему еще в этом холодном доме или встать и уйти. Он знал, что у невестки едкий и злой язык, неприветливый нрав, но сегодняшнее ее поведение было совсем уж неприличным.

Салтанат застыла в напряженной позе — ни дать ни взять каменное изваяние, — и Курбанбай-ата тихо поднялся:

— Ладно, невестушка, я пойду, будьте здоровы!

Он хотел еще что-то добавить, но передумал, проковылял в переднюю; вынул кастрюлю из платка, которым она была укутана, свернул его и осторожно прикрыл за собой дверь. Салтанат еще долго слышала стук его палки.

Когда стемнело, Салтанат принялась за стирку.

Азиз возвратился со своего опытного участка за полночь. Стараясь не шуметь, чтобы не потревожить сон жены и сына, он осторожно закрыл за собой дверь, стал шарить ладонью по стене в поисках выключателя. Нанцупал его и в этот же момент заметил Салтанат. Она стояла в темном коридоре как кошка, подкарауливающая мышь. Он вздрогнул от неожиданности, поспешно щелкнул выключателем.

— Салтанат? Что стряслось? Что ты здесь делаешь? В темноте? Почему не спишь?

Салтанат только бровью повела в ответ и, стиснув губы, поджав губы, направилась на кухню.

Азиз торопливо сбросил ботинки и пошел вслед за женой.

— Да в чем дело? Ты нездорова, что-нибудь болит?

Глаза Салтанат горели сухим злым блеском, они прямо-таки обожгли Азиза.

— Кому же еще болеть в этом доме, как не мне? — губы ее задрожали, в голосе был вызов.

Азиз почувствовал себя так, словно грудь его сдавили клещи. Это состояние стало для него в последнее время привычным. Его мучили упреки Салтанат, он видел, что она с ним несчастна и оттого блекнет, теряет свою красоту и былую веселость. Мучили его и собственные дела. «Что же я могу сделать для нее сейчас? Обстоятельства против меня. Опыты идут туго, надежды и планы пока не осуществляются. Но я ведь терплю, работаю с утра до ночи! Не идти же мне на улицу и кричать о неудачах!»

— Возьми себя в руки! — повысил он голос, терзаясь от бессилия и чувства вины перед ней. — Потерпи немного. Все у нас будет хорошо. Должно быть. Тогда отдохнем вместе, развеемся. Вся твоя хандра и хвори пройдут, буд-то их не бывало вовсе.

Если бы Салтанат слышала эти обещания впервые! Когда-то она верила всему, что он сулит, каждому его слову.

— Э-эх, большому кораблю — большое плавание, а маленькому, видно, в луже сидеть только и остается! — Она прижала руки к груди и заплакала. — Когда? Когда все это будет? И отдых, и покой, и достаток? Когда я окажусь уже в могиле? Вы превратили меня уже в старуху! И за что? — она разрыдалась зло и безутешно.

— Во всем этом виноват я? Один?!

— А кто же еще? Каждый раз вы кладете мне за пазуху пустые орехи! Ваши ровесники живут припеваючи, всего достигли, ни в чем не знают нужды. Дома у них — полная чаша, жены в довольстве и шелках...

— Хватит! Я за богатством не гонюсь! Пускай они хоть звезды с неба хватают и в дом тащат! Я никому не завидую и завидовать не стану, даже умирая с голоду! Я... — Азиз зашнуровался, от гнева не находя слов. Он стукнул кулаком по шкафчику с посудой, она жалобно зазвенела. — Наука тебе не базар, где раздают шелка и наряды! Понятно? У меня свой путь и я еще скажу свое слово!

— Вас, видно, сам бог создал скандалистом! Вы только и можете, что на жену орать и хвастаться! Бахвал вы, да и только! Только и умеете, что сладкие обещания мне тут, сидя на кухне, раздавать! Ими, вашими посулами, сыт не будешь! Вон эти ваши Шорасулы и прочие! Только вчера объявились в институте, а свои делишки мигом устроили. И почет, и деньги, и звание — все у них в руках. А вы из себя святого корчите, скромника, я, мол, тише воды ниже травы, вот и сидите, как старая дева...

— Замолчи! — крикнул Азиз в бессилии, теряя власть над собой. — Или ты хочешь, чтобы я бежал из этого дома, из этого ада? Если я уйду, тебе легче будет? Этого ты добиваешься? Уйти мне? — Азиз скрылся в комнате.

Салтанат поглядела вслед мужу с ненавистью, потом с грохотом поставила кастрюлю на плиту и прошмыгнула в комнату к сыну. Мальчик заплакал, и она зашептала трясущимися губами:

— Лежи тихо, проклятый! Вы доведете меня до греха!

В доме установилась тягостная тишина, тишина без надежды и покоя. Азиз не выдержал ее и поднялся. Слабый свет лампы, проникавший в комнату со двора, мешал Азизу, будто подглядывал за ним. Он шагал по комнате, словно его кто-то завел сильной, безжалостной рукой, и не мог остановиться. Изюм в день одно и то же! Неудачи, скандалы, разлад. Когда же этому конец? «Я больше не выдержу, не железный же я? Говорят, бывают железные люди, но ведь и железо ржавеет! А я не железный!» Азиз вышагивал от окна до стены, от стены до окна...

Азизу казалось, что жизнь решила доказать ему, какой она может быть жестокой, равнодушной и безрадостной во всем: в отношениях с женой и коллегами, дома и на работе, в дружбе, любви, поисках научной истины. Невезение Азиза было полным, оно преследовало его из месяца в месяц. Он похудел, почернел, начинал чувствовать себя неудачником и бездарью, терять веру в себя. Дома — слезы, упреки, тоска! Воистину нищего собака достанет и укусит, даже если он сидит на верблюде!.. Все, все дается ему ценой тяжкого труда, труда в поте лица! Чтобы поступить в аспирантуру — сколько пришлось корпеть над книгами! Не успел проучиться полгода, внезапно скончался Сергей Матвеевич, незабвенный его руководитель. Он был отцом для своих учеников, заботился о них, как может заботиться человек крупный и добрый. А его знания, его эрудиция! Если бы он был жив, многое было бы в жизни Азиза иным — радостным, гордым. Он избежал бы насмешек, неверия, давно бы защитился и ходил с высоко поднятой головой. «Эх, если нет у тебя крепкой опоры, дела твои дрянь. Салтанат не хочет меня понять, изверилась во мне, Сергей Матвеевич ушел из жизни так рано...» — размышлял Азиз, оставаясь наедине с собой. Эти мысли, как пчелы, неотступно следовали за ним, жалили, причиняли душевную боль и страдание.

Он часто вспоминал то прекрасное время, когда у него родилась новая, смелая гипотеза, которую так горячо поддержал Сергей Матвеевич. Рассуждения Азиза о создании принципиально новых сортов хлопчатника учитель слушал, как увлекательнейшее повествование. Опытного ученого радовали умная, целенаправленная энергия Азиза, готовность одолеть любые трудности ради научного открытия, сулящего людям столько пользы, его дерзкая дальновидность. Однажды Сергей Матвеевич похлопал Азиза по плечу своей маленькой сухонькой ладонью, ласково, одобрительно оглядел его складную фигуру и обратился к нему:

— Молодец, дружок! Молодец! Мне импонирует твоя смелость! Одним из своих крыльев наука опирается на риск! — Сергей Матвеевич призадумался и, словно отыскав в своей памяти то, что хотел, добавил: — Один опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением. Знаешь, чья это мысль? Ломоносова! Так

что — дерзай, экспериментировать. А я, конечно, всегда к твоим услугам. Помогу, коли тебе будет нужна моя голова.

...Теперь сомнения и обиды посещали Азиза все чаще, все настойчивее, он, не находя покоя, истязал, обвинял, ругал себя. «Неужели я так и не научусь жить, как другие? Спокойно и легко? Не заводя себе врагов? Почему я не взял тему, которую предлагал Мухиддин Джаббаров? Все было бы, как говорят наши доки, «в ажуре». А вот сейчас у меня одни неудачи и нелады. Сколько времени прошло, а у меня нет уверенности в результатах исследований. Не могу разобраться, потерял, «где голова, где хвост». В последнем гибриде вроде бы начинают исчезать отрицательные свойства дикого хлопчатника — его бесплодие и чрезмерный рост... Он в некоторых отношениях приближается к культурным растениям... Однако все коробочки, волокно, его цвет и крепость все еще ближе к диким сортам... Надо мной уже смеются, считают, что я помешался на своей идее... Наверно, потому я теряю веру в себя, во всем сомневаюсь, даже в обнадеживающих показателях и в добрых людях тоже. Конечно, такие благородные люди, как Толмас Азимов, огорчаются за меня, стараются подбодрить, таким-то мне особенно стыдно в глаза смотреть! Они в меня верят, связывают со мной и моей работой колоссальные возможности для науки и практики. А я? Ни тиру, ни ну, застрял на одном месте... И упреки Салтанат в общем-то справедливы. Она страдает, мечется из-за моих же неурядиц и неудач. Она не знает, как выразить мне сочувствие, сострадает мне по-своему, оттого все эти ядовитые ее слова. Все хотят достать луну — в молодости, поскорее. И в этом нет ничего дурного. Женщина — она и есть женщина. Не хватает ей терпения и стойкости! Эх, Азиз, Азиз! Зачем ты кичишься тем, что делаешь то, что никому якобы, кроме тебя, не под силу... Маленький человек должен прятаться в тень! Если бы ты жил, как все твои коллеги, тихо-мирно, то давным-давно был бы уже на виду. Хотел выделиться, выпятиться, как утверждают некоторые, и вот — получай свое! Все ставят тебе палки в колеса! Эх, Азизбек! Этот мир существовал и до тебя, и после тебя не рухнет. Такие строптивые, как ты, начинают осознавать свои ошибки слишком поздно, когда жизнь на исходе... В науке требуются не такие горячие, нетерпеливые, как ты, а люди

с трезвой головой, способные провидеть завтрашний день. Таких, как ты, бьют и сметают с дороги. Да еще смеются при этом!.. Ох, ну и нытик же я! Самому противно! Совсем разнюнился. Надо собраться, подтянуться, иначе не доведешь дело до конца! Сделано-то ведь немало! Но... опять эти «но»! А как же без «но», когда опыты, чужие опыты всех последних лет, умные толстые книги ясно и непрерываемо утверждают: чтобы создать новые, результативные сорта растений, следует культурные сорта скрещивать с культурными сортами! Это же ни больше ни меньше как общепринятая истина. Какие же у тебя есть основания отрицать эту истину?... Как ты дерзнул посягнуть на нее? Использовать в качестве мужского начала — дикий хлопчатник? Ты утверждаешь, что в нем есть устойчивость против вилта, этой страшной болезни, этого бича хлопчатника. Допустим. Ну, а как побороть бесплодность дикого сорта? Зачем дехканину сорт, не дающий урожая?.. Нет, напрасно ты, дорогой мой, обижаешься на Мухиддина Джаббаровича, подозреваешь его во всех смертных грехах!.. — Подобные обращения к себе, объяснения с собой стали для Азиза привычными, стали частью его существования в последние месяцы. Академика можно понять! Во всем, во всем — недоверии к тебе и твоим «выкрутасам» — виноват ты сам. Ты сначала соверши хоть малую толику того, что Джаббаров совершил. Во имя науки. Во имя страны. И уж коли Мухиддин Джаббарович мстит, враждует с кем-то, то уж не с тобой. Ты для него — мелочь! Он не признает твоих идей, потому что они не подкреплены фактами, доказательствами. Ведь у тебя их пока нет, как же тут убедишь коллег? Ты только, словно жупелом, пугаешь всех именами Мичурина, Вавилова, только воздух сотрясаешь. Если ты прав — докажи на практике их учение! И свои прорицательские идеи! А пока... не преувеличивай, не приукрашивай свои возможности! Побольше скромности, поменьше самомнения — так-то оно будет лучше!.. Ведь и Сергей Матвеевич не раз предупреждал: «Ученый должен уметь четко мыслить и анализировать. Над твоими гипотезами следует подумать, крепко подумать». Может, он вообще и поддерживал-то тебя, чтобы поднять твой дух: продолжай, мол, работу, появятся первые результаты, тогда и обсудим их обстоятельно, поговорим!.. Нет уж, усомниться в учителе — это совсем нечестно, это уж совсем значит пасть

духом. Нет! Нет! Истина никогда не возникала сама по себе. А научные истины... Добыть их — все равно что иглой вырыть колодец... Непроторенные пути самые трудные, но и самые прекрасные, чего же ты голову ве-
шаешь раньше срока? Ведь факты — упрямая вещь, а они свидетельствуют: даже опробованные, высокоуро-
жайные, скороспелые, с прочным волокном сорта — даже они подвержены вилту. Растение обычно защищает-
ся от влияния внешней среды веществами, выделяемыми
собственными клетками. В культурных растениях эти
вещества парализуются вилтом, хлопчатник заболевает —
и этим наносится огромный ущерб народному хозяйству.
В диком сорте *mexicanum* этих защитных веществ
сколько угодно, однако они бездействуют, пропадают зря.
Неужели сильные, благотворные качества тех и других
растений нельзя соединить! Можно! Должно их соединить!
Только нужен срок! Нужно время!..»

Азиз принялся опять вышагивать по комнате. Ни на
кого он не умел так негодовать, как на себя, и этот гнев,
это недовольство собой будили в нем новые силы, энер-
гию, будили желание работать, горы свернуть... и апетит,
апетит здорового, сильного мужчины. Азиз отправился
на кухню, наложил себе полную тарелку машевой каши
и принялся есть, заливая ее остывшим чаем.

Послышались тихие осторожные шаги, в кухне по-
явилась Салтанат с пиалой кислого молока в руках.

— Что это вы подняли шум на весь дом? — обратилась
она к Азизу тоном, в котором явственно слышалось:
«Конечно, я плохая, но пищу приготовленную мной, вы
как лопааете». Она поставила пиалу перед мужем. — При-
ходил ваш отец... Ой, левая часть головы прямо-таки рас-
калывается, даже глаза открыть больно. Как только ве-
чер — вот здесь начинает гореть, будто кол мне сюда
всадили, — Салтанат приложила ладонь к левой груди.

— Это все нервы. Сходи к врачу.

— В этом доме не выдержит человек и со стальными
нервами, — заметила она с обидой.

— Ну что я могу поделать, Салтанат?! — взмолил-
ся Азиз. — Зачем ты мучаешь меня и себя? Посмотрю
на тебя — иной раз, ей-богу, нет человека умнее, а иной
раз...

— К вам это тоже относится! — перебила его Салта-
нат. — Именно так! То умны очень, то...

— Подскажи, посоветуй, что мне делать? Ведь ты жена мне!

Салтанат безнадежно махнула рукой.

— Что толку с вами говорить? — процедила она с пренебрежением.

Азиз побледнел. Он искал и не находил слов, которые поняли бы, уязвили Салтанат.

— Скажи, чего ты хочешь от меня? Давай объяснимся, — взорвался он.

— Чего я хочу? — Салтанат грозно нахмурилась. — Я появилась на свет божий, как я понимаю, только однажды и желаю отпущенный мне срок прожить по-человечески! Чем я хуже других? Кривая, хромая или уродина? До каких пор я буду распродавать свои вещи, чтобы покупать продукты? Благо еще, что мой отец отправил меня к вам с грудой ковров!.. — Лицо Салтанат покрылось красными пятнами, голос поднялся до визга.

У Азиза ослабели руки и ноги.

— Мне только еще недоставало того, чтобы кормить вас! — у Салтанат было ощущение, что ее подхватила какая-то неистовая сила и несет, несет ее. — Если бы вы, как и делают другие мужья, одевали бы меня с головы до ног в атлас и парчу, то, то... уверена, совсем со света меня сжили... вы, вы... не цените доброты моего отца... Вы слепы и глухи ко всему и всем! Вы принесли в дом дырявую кошму, и только!.. Все, все, даже ложки и чашки, — все, все здесь от моих несчастных родителей!..

Азиз молчал, словно подавился черствым куском. Салтанат всегда одолевает его такими вот глупыми, вздорными попреками, оскорблениями. Разрывает его сердце на части! Наверно, и не понимает этого. К его горлу подкатил горький ком, Азиз потупился и вышел из кухни.

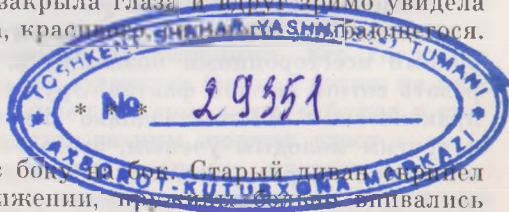
Он отличался выдержкой и спокойствием с малых лет; друзья шутили: тебя ногой ударишь, а ты и не шелохнешься. Но это было раньше, а теперь... Теперь он изменился; стал как бочка с порохом, того гляди взорвется от неосторожной искорки... Постоянные жалобы Салтанат, слезы, претензии, хмурое неласковое лицо — все это стало для Азиза невыносимым. Жена обладала способностью втягивать его в свары, перепалки, которые унижали его мужское достоинство. Он потом страдал от того, что не выдержал, унижился до мелких дрызг. Ему порой не хотелось вовсе ее видеть, слышать ее голос. Од-

нако слова ее, как ядовитые стрелы, поражали его в самое сердце, и тогда он начинал понимать, хотя и боялся этого понимания, что он несчастлив с той самой Салтанат, которая когда-то была милой, веселой и желанной, которая так умела его любить. И от этого он еще больше ожесточался и упрямо продолжал — не мог остановиться! — спорить с ней. Спорить, пока жена не заливалась слезами. Их отношения дошли до предела, за который страшно было заглянуть. И Азиз терзался, что и он тоже совсем опустился, перестал быть человеком, достойным называться мужчиной.

Салтанат, наоборот, упивалась их ссорами. Она находила в них удовлетворение, отместку за разбитые свои надежды на счастье, на легкую веселую жизнь. Это было сильнее ее — желание все делать наперекор мужу. Началось это давно, в тот печальный день, когда у нее случился выкидыш. Она шла с Азизом по улице, поскользнулась и упала — и впервые почувствовала острую ненависть: «Злосчастный! Не мог поддержать меня, сохранить ребенка!..» Потом прибавились неудачи Азиза, Салтанат и вовсе ожесточилась. Через несколько лет родился Бехзод, но и он не принес тепла в их отношения.

Салтанат, будто прочитав его мысли, воскликнула, переполненная бешенством:

— Не позорил бы имя мужчины, чтобы ты сгинул!.. Сыночек, только из-за тебя все терплю-мучаюсь! Ты еще ничегошеньки не понимаешь, не можешь мне посочувствовать! Господи! С мужем и с сыном я, а все равно что одна! — Она закрыла глаза и вдруг зримо увидела перед собой Юлдаша, красноречивого, обаятельного. Мужчину.

Азиз ворочался с боку на бок. Старый диван скрипел при каждом его движении, подушки болтались и выпивались в тело. Азизу было так безотрадно, что он как будто бы даже обрел спокойствие. Спокойствие безысходности. И он опять пришел к заключению, что во всех бедах виноват сам. Значит, и расхлебывать их должен сам. А как — он просыпается утром на свежую голову, при свете солнца. Сейчас же надо попробовать заснуть. Однако в глазах его словно песок застрял: они не закрылись. Чем больше

Азизу хотелось уснуть, тем больше напрягались нервы. Он попытался отвлечься, стал вспоминать о последних событиях, но никак не мог сосредоточиться, до конца додумать мысль. Мысли были отрывочны, беспорядочны, как неровные лоскутки, кем-то небрежно нарезанные и брошенные тут и там. Азиз никак не мог избавиться от тревоги, напряжения, беспокойства — как будто они стали его постоянным уделом. Он вспомнил Шорасула, которым недавно попрекала его Салтанат. Скуластое лицо, широкие брови, блестящие черные волосы, глаза с косинкой — они не останавливаются надолго на одной точке, все что-то нащупывают, шарят по людям и углам... Слава аллаху, Салтанат еще не знает, что работа Шорасула рекомендована к защите. Если бы она видела, как эта работа обсуждалась! Поднимались вроде бы солидные ученые, а философствовали на пустом месте — но с каким серьезным видом! «Малый наш ученый совет вроде бы и не интересовала научная ценность диссертации; говорили, в основном, похвально о личных качествах диссертанта. Председатель совета время от времени напоминал всем, ради чего они собрались, то есть об их прямом долге... Шорасул — везучий парень. Проворный, ловкий! Тему ему удалось взять апробированную, слишком общую. Другим, ей-богу, такую изжеванную тему не утвердили бы! В ней совсем нет практического смысла. А надо мной Шорасул подсмеивается — я-де «рабочая лошадка», «добытчик фактов»; ясно, черная работа в науке не всем заметна. Но она — основа, фундамент науки, потому что дает факты. Конечно, необходимо разрабатывать фундаментальные проблемы. Но с ними могут справиться лишь люди с широкими всесторонними познаниями, способные анализировать сотни, тысячи фактов. Эрудиты с богатым научно-практическим опытом. Однако Шорасулу, как, впрочем, и другим молодым ученым, этого всего и недостает. Где нам! Ведь — правду сказать! — большинство из нас припили в науку — прямиком с институтской скамьи... На мой взгляд, лучше сделать и обосновать одно новое, пусть и невеликое, открытие, чем переписывать-перелопачивать не раз открытое, повторять азы, прибавлять на библиотечных полках никому не нужные тома! Которые попусту пылятся и которыми, воистину, пыль в глаза пускают!..»

Шорасул занимал Азиза как тип человека и ученого, который легко вписывается в любую среду и обстановку,

для которого приспособленчество — философия поведения и норма жизни. Вот уже два года, как Азиз знает Шорасула, но еще ни разу тот не вступил с кем-нибудь в дискуссию. Напротив, как только разгорался научный спор, Шорасул замолкал, словно в рот воды набирал, сидел, нахохлившись, никого не перебивал, ни к кому не присоединялся, никого не опровергал. Было похоже, что он больше всего боится ошибиться, сказать что-нибудь не-впопад.

Азиз поначалу даже не поверил, что именно Шорасул уже подготовил к защите диссертацию — молчал-отмалчивался, никак не проявлял себя, будто специально старался, чтобы никто не мог составить о нем мнение, — и вдруг: «Все, диссертация завершена!..» Когда Азиз прочитал ее, то убедился: работа легковесная, слов много, своих, самостоятельных мыслей нет. Из ничего, из пустоты, пусть напичканной умными цитатами, мудреными терминами, не может родиться что-то стоящее. От «водянистой» работы может остаться лишь мокрое пятно. Поблестит, поблестит, а потом — испарится бесследно.

Азиза гораздо больше уязвила позиция старших коллег; они с умным видом рассуждали об этой пустоте, выискивали в ней смысл, толковали о научном «значении». Вот уж это поразительно: серьезные взрослые люди будто превратились в незрячих и глухих, хвалили явный, никому не нужный, хотя и гладко сфабрикованный, брак.

У Шорасула было завидное терпение, он был толстокож. Над ним откровенно смеялись все — и младшие, и старшие. Он словно не слышал насмешек, был вежлив с младшими, подобострастен со старшими. Его гнали из одной двери — он входил в другую. Он был похож на пса, в которого хозяин швыряет камнем, а тот, отбежав в сторонку, все равно плетется за ним, поджав хвост...

Азиз понял наконец, что терпение, кротость, смирение Шорасула вовсе не случайны, что это линия поведения — сознательная, железная... Да, быстро и ловко Шорасул обтяпывал свои дела. Азиз возмущался этим и одновременно бранил себя — за свою отчужденность от людей, за деревенский свой нрав, неуживчивый и прямолинейный, за то, что не умеет быть легким и приятным в общении.

...Азиз пожалел, что забыл сообщить Салтанат прият-

ное известие. Сегодня, когда он был в колхозе на своем опытном участке, Махамат-ака предупредил его: «На днях поеду в город... Сколько лет мы с вами дружим, а семьями еще не знакомы. Ладно, хоть я и старший, начну я, покажу вам пример. Хочу навестить вас, познакомиться с вашей женой».

* * *

Салтанат тоже не могла уснуть. Гнев ее постепенно улегся, сменился опустошенностью и бессилием. Она не знала — винить ей Азиза или оправдывать, ожесточаться против него или жалеть его. Себя она жалела и оправдывала, хотя порой горячей молнией ее обжигало ощущение собственной большой неправоты и несправедливости.

Салтанат росла в состоятельной, дружной и — до поры до времени — благополучной семье: умный, заботливый отец, нежная, хотя и ограниченная мать, славные братья, сестра. Салтанат была в семье младшей и самой красивой; была она общей любимицей и в школе. Ее холили и лелеяли, она не знала нужды и горя, зато крепко усвоила, какие преимущества и удобства таит в себе возможность пользоваться жизненными благами без ограничений. Обаятельная, веселая и беззаботная Салтанат умела привлекать к себе людей; их симпатии, восхищение она принимала как нечто само собой разумеющееся, как должное, как дань, положенную ей раз и навсегда. У нее было много подружек, которые охотно поверяли ей свои тайны, она их умела хранить, хотя никогда по-настоящему никому не сопереживала. Если она что-то и любила по-настоящему, так это мечтать, мечтать о своей будущей, непременно прекрасной, блистательной жизни. Мечты уносили ее в неизвестные заманчивые дали, и она с трудом оттуда возвращалась. Детство сменилось юностью, менялись и мечты Салтанат — неизменным оставалось лишь желание быть самой счастливой, самой удачливой, всегда и во всем. Быть звездой первой величины. В наивности своей Салтанат не подозревала, что любое светило только кажется самостоятельным, независимым от других небесных тел, что оно подчиняется общим законам и без этого не может существовать — погибнет. В этом поведении был источник многих ее огорчений и бед, поначалу невинных и детских, потом — серьезных, взрослых. Она не желала

даже примириться с тем, что человек не всегда волен делать то, что он хочет, что гораздо чаще он вынужден поступать так, как ему вовсе не хочется. Разлад, диссонанс между мечтами, желаниями Салтанат и жизнью, реальностью мало-помалу превратили ее жизнь и жизнь Азиза в ад. Примирить их, как-то сочетать она не могла — не умела и не хотела.

Даже обычные женские обязанности, которые другие женщины почитали за счастье — растить детей, хозяйничать дома, ждать мужа, ухаживать за ним, — она воспринимала как надругательство над своими надеждами, грезами о мироздании, центром которого была бы она, Салтанат.

Тесная квартирка, убогая мебель, безденежье, одиночество — все это каждодневно оскорбляло ее. Она иной раз думала, что вся теперешняя ее жизнь снится ей в сером, бесконечном сером сне. Встречая смеющихся, нарядных людей, она словно внезапно стряхивала с себя этот кошмарный, унылый сон. Но тогда она понимала, что жизнь ее еще хуже, чем этот сон, — бредет она по ней, как по бескрайней пустыне, одна-одинешенька... «Господи, — взмолилась она, — почему я не вышла замуж за Юлдаша? Ходил за мной, как тень... глаз не спускал влюбленных. Видно, не судьба!.. — Салтанат испуганно вздрогнула, будто кто-то мог подслушать ее. — Что это со мной? А как же Азиз? Ведь его я любила, его! И счастлива была этой любовью! Что со мной?»

Рядом с домом, где обитали родители Салтанат, жил известный профессор-селекционер Сергей Матвеевич Иванов. Все его знали, уважали, почтительно называли «Сергей-ата». Он прибыл в Ташкент по путевке Ленина сразу после революции. Здесь он стал основателем большой научной школы селекции и семеноводства. Он создал один из лучших и поныне используемых в Узбекистане сортов хлопчатника. О его жизни рассказывали самые разные, порой невероятные истории; о его уме, мудрости, знаниях, человечности ходили легенды. Многого в них Салтанат, когда была ребенком, не понимала. Однако слова о том, что старик «большой человек», что он «повыше министров будет», запомнились ей. И она благоговела перед Ивановым — этим всегда приветливым человеком. Его инкрустированная тросточка с раздваивающимся набалдашником — он никогда не расставался

с ней — представлялась Салтанат волшебной палочкой. А сам он — маленький, чуть сутуловатый, с длинными седыми волосами и острой бородкой — казался всемогущим волшебником. Она, как на врата рая, смотрела на голубые ворота, за которыми был дом Сергея Матвеевича. Если ей, вместе с другими ребятами, удавалось заглянуть за них, ее охватывало сладкое волнение, трепет, будто она ожидала увидеть там какое-нибудь чудо.

Сергей Матвеевич жил один. Жена его скончалась. Своих детей у них не было, они воспитали мальчика из детского дома. Во время войны он погиб на фронте, как и миллионы других сыновей... Хозяйство профессора много лет вела старая женщина, стирала, убирала, готовила. Жизнь Сергея Матвеевича в основном проходила в работе. По субботам и воскресеньям его навещали ученики. Дом наполнялся шумом и весельем. Казалось, это институт, с его спорами и проблемами, на время переселялся в этот тенистый, обычно тихий, двор...

Сам того не ведая, профессор сыграл главную роль в знакомстве Салтанат с Азизом. Тогда девушка увидела в этом добрый знак.

Салтанат училась в ту пору в девятом классе. Однажды она вместе с подругами возвращалась из кино. Они с жаром обсуждали любовные перипетии индийского фильма, напевали услышанные только что мелодии. У ворот Сергея Матвеевича она заметила незнакомого парня. Парень был худощавый, стройный, с тонким привлекательным лицом — прямо герой фильма! На рубашке, на брюках — ни лишней складочки, ни одной морщинки. В руке — увесистый портфель. Ему было лет двадцать пять. «Кто же это, интересно?» — с любопытством уставилась на парня Салтанат; он тоже посмотрел на нее и почему-то улыбнулся. Белые, как жемчуг, зубы блеснули, он был очень красив, этот парень. Сердце Салтанат гулко забилося, она покраснела, отвела взгляд. Сделала несколько шагов — а ноги ослабели, едва держат! — и невольно оглянулась: парень смотрел ей вслед. Сердце заколотилось еще сильнее, но она гордо вскинула голову и важно вошла в дом. Тут, задохнувшись от волнения, сразу же бросилась к окну, чуть отодвинула занавеску. Парень, то и дело оглядываясь, продолжал упорно нажимать на звонок. Потом раскрыл портфель, вынул из него бумагу, что-то быстро нацарапал и, свернув ее, бросил в почтовый ящик.

Косясь на дом, где скрылась Салтанат, он проиществовал на трамвайную остановку.

Салтанат лишилась покоя. Ее так и тянуло выйти на улицу и взглянуть на голубые ворота. Они стали ей казаться еще голубее. Когда она проходила мимо них, то замирала, ждала — вот они отворятся и появятся о н. Но о н не появлялся, и она, разочарованная, вздыхала.

Салтанат встретила парня неожиданно, когда уже потеряла всякую надежду на встречу. И не у этих замечательных, таинственных голубых ворот, а в прозаическом трамвае. Услышала совсем рядом ласковый и тихий голос: «Здравствуйте, девушка!» Салтанат обернулась и увидела его! «День добрый», — только и нашла что ответить она. Лицо запылало огнем, руки похолодели — она была счастлива тому, что рядом с ней нет подруг, не то засмеяли бы ее, гордую задаваку, первую красавицу махаллы. Парень больше ничего не сказал. Только, когда трамвай резко затормозил, печально приблизился к Салтанат — и она близко-близко увидела его правильный с легкой горбинкой нос, высокие скулы, карие глаза. Он отвернулся и стал смотреть на мелькающие за окном дома, деревья, людей. Салтанат краешком глаза косилась на парня: в руках у него был тот же портфель, и одет он был так же, как и в прошлый раз; склонив к плечу голову, он неотрывно, напряженно разглядывал улицы. Салтанат казалось, будто все, кто находится сейчас в трамвае, догадываются, в каком она волнении, пристально следят за ней, и от этого волновалась еще больше. Она быстро, словно ее кто-то гнал, сошла с трамвая. У газетного киоска украдкой оглянулась; парень, улыбаясь, шел за ней в трех-четыре шагах. Ей стало легко и радостно, она внезапно остро прониклась сознанием своей красоты и власти над этим взрослым человеком. У своего дома она нарочно остановилась, громко отчитала маленьких ребятишек, игравших у окна, за баловство, медленно повернула голову к голубым воротам. Парень, будто зачарованный, глядел на нее. Потом позвонил. Калитка быстро открылась, из нее вышел сам профессор.

— Азиз, дорогой! Я ждал тебя! Добро пожаловать, — донеслось до Салтанат. Сергей Матвеевич обнял парня за плечи и увел в дом. Калитка закрылась, и девушка почувствовала себя покинутой.

Так Салтанат узнала е го имя. Она присела на скамей-

ку и все ждала, когда же Азиз опять покажется и улыбнется ей. Ею овладела тоска — как будто ее лишили света: недавно он горел в ней и согревал ее, делал дома, улицы, людей сияющими, светлыми. Но она так и не дождалась в тот вечер.

Салтанат не смогла удержать в себе и эту тоску, и свою тайну и поделилась с близкими своими подругами. Они и сами находились во власти непонятных, неясных им, будоражающих чувств и сами были в том возрасте, когда любовь ходит рядом, готова всныхнуться и поглотить их. Они выслушивали тайну Салтанат с жадным и отзывчивым вниманием, обсудили все, падали много-много советов. Азиз и влюбленность их подруги стали любимыми темами девичьих разговоров.

— Покажи его нам, — просили они и дружно принялись следить за голубыми воротами.

...Салтанат лежала в темноте, но ей будто светили мягким, добрым светом эти воспоминания. Она улыбалась, качала головой, с умилением думая о своих девичьих годах. Запыхтел, зачмокал во сне Бехзод. Размягченная Салтанат сунула руку через решетку кровати и, нежно похлопывая сына по плечу, тихонько затянула песню. Бехзод покрутился, покрутился и утих. Салтанат снова погрузилась в сладкие воспоминания. Беззаботные, невозвратные дни остались далеко-далеко.

«...Парень, входящий в дом такого большого человека, как профессор, не может быть простым, — рассуждала она тогда. — Сам профессор ждал его, обнял, как сына...» И она принялась строить планы, над которыми порой сама же весело хохотала. «Возможно, через некоторое время, очень даже скоро, и он станет профессором. Буду учиться и я. Все равно где, в какой институт скажет, в такой и поступлю!.. У него жена должна быть не только красивая, но и ученая... Купим дом... Если будет трудно вести дом — а дом у нас будет большой! — и учиться, то наймем домработницу, как Сергей Матвеевич. У нас и машина будет...»

Несмотря на свою молодость, беззаботность, оторванность от реальной действительности, а быть может, благодаря всему этому, Салтанат считала комфорт и достаток неотъемлемыми, обязательными атрибутами своей семейной жизни. Она была уверена, что, подобно сестре, братьям, родителям, она будет — обязательно будет! — иметь

все сразу: и дом, и платья, одно краше другого, и много денег, и все-все, чего душа пожелает. И хрусталь, и машина, и ковры, и частые гости — всего полно, всем на зависть...

Салтанат глубоко вздохнула, притаилась, будто усовесилась глупых, несбыточных этих мечтаний; укрылась с головой одеялом, словно боясь, что они покинут ее — пусть глупые, пусть несбыточные, но такие радужные грезы.

Разногласия, разлад в этой семье своими корнями уходили глубоко. Бывает: дерево быстро и легко скрестилось, а вот развивается оно трудно и болезненно; дает знать о себе, выявляются не сразу, со временем, слабые, хилые свойства одной из пород.

3

Салтанат искупала сына, с наслаждением ощущая его теплое, родное тельце, покормила его, уложила спать. Выстирала белье, аккуратно развесила на балконе, принялась за уборку. Она так увлеклась работой, что не сразу услышала, что звонят в дверь. Салтанат убрала со лба прядь волос и взглянула на часы — для Азиза рано, он обычно в это время находится в институте. Наверное, соседка, решила Салтанат и, на ходу вытерев руки фартуком, поправив прилипшее к груди платье, направилась к двери.

Это был Юлдаш. Он поздоровался вежливым наклоном головы, с особым тщанием вытер ботинки о коврик, лежащий у порога, и, так и не дождавшись приглашения онемевшей Салтанат, шагнул в переднюю.

Салтанат машинально пропустила его и пробормотала, словно извиняясь:

— Как я испугалась. Не обессудьте, у меня тут все вверх дном, затеяла большую уборку. — Она собирала разбросанные на диване детские рубашонку, штанишки, чулочки.

Юлдаш пристроил на столе какой-то сверток и улыбнулся.

— Ничего, ничего. Уборка есть уборка... — он обвел взглядом комнату.

Салтанат обдало горячей волной — будто она глазами Юлдаша вновь увидела ветхость, неприглядность того,

что их окружало. Она пригласила Юлдаша присесть, и он, непринужденно поблагодарив ее, сел. Старый стул под ним закрипел, заскрежетал, словно ожил неожиданно. Салтанат в смятении присела на табуретку, поближе к дверям. Юлдаш бросил взгляд на громоздкий, но с маленьким экраном телевизор. Салтанат перехватила его взгляд.

— Азиз еще в прошлом году хотел сменить его на новый. Но я не согласилась. Уже семь лет работает безотказно, очень хорошая видимость, — заметила она и тут же спохватилась: «Что же я поставлю на стол? Кроме сахара ничего-то у меня нет». Она поднялась, и вместе с ней поднялся Юлдаш:

— Салтанатхон, не беспокойтесь, я всего на минутку, и только. Спешу... — он сделал паузу. — Живешь себе спокойно, но вот встретишь друга детства — и все равно что юность встретишь. В тот день...

— Спасибо, — прервала его Салтанат торопливо, пытаясь предупредить лишние, опасные слова, и быстрым жестом, присущим только женщинам, застегнула ворот платья. Юлдаш заметил ее жест, понял, как она испугана.

— Дед мой говорил: «Человек до тридцати лет ходит, после тридцати — бежит...» Когда-то я смеялся над этими словами. А вот теперь уразумел их смысл, сам побежал, можно сказать. Увидел вас, и захотелось мне остановить годы. Снова почувствовал себя молодым. Когда имеешь семью, детей, все подчиняется одному ритму: как челнок снуешь из дома на работу, с работы — домой. Правится не правится, а живешь, как заведенный механизм. Без мечты. А как хорошо — с мечтой!

Слова эти согрели Салтанат. Она невольно улыбнулась, потом, спохватившись, стиснула ладони в кулаки.

В эту минуту заплакал Бехзод, Юлдаш вздрогнул в замешательстве, будто только теперь осознал, что он в чужом доме, наедине с чужой женой.

— Ладно, до свидания тогда... Вот увидел вас — и легче стало. Если буду поблизости, загляну. — Он помедлил и добавил: — Если вы не будете против, конечно.

Салтанат, молившая бога, чтобы он побыстрее ушел, произнесла сама, удивляясь тому, что говорит:

— Может быть, посидите еще, скоро возвратится Азиз из института, познакомьтесь с ним.

Юлдаш чуть было не вымолвил: «Я о нем слышан достаточно. Он аспирант моего дяди», но вовремя удержался:

— Спасибо. В другой раз.

— Каждое воскресенье Азиз отправляется в колхоз, на опытный участок... тогда обычно задерживается. В другие дни возвращается вовремя, как все.

Салтанат давала ему понять — «быстрее исчезни, иначе сейчас Азиз придет — и неизвестно, как он тебя примет». Но Юлдаш усмотрел в этих простодушных словах другое... Он ткнул пальцем в сверток и смело и открыто, как и в прошлый раз, обратился к Салтанат:

— Еще успеем познакомиться... А это вам! Помните, в школе еще я обещал вам?

Салтанат встрепенулась в радостном ожидании чего-то приятного:

— Обещали? Что обещали? Вы шутите? Не помню никакого обещания!

— Вспомните. Вы потом вспомните. Это маленький сувенир, примите пожалуйста, а не то обижусь.

— Нет, нет, Юлдаш-ака. Что скажет мой муж! И не просите.

Салтанат первый раз в жизни назвала его «Юлдаш-ака». Хотя он был старше ее на три-четыре года, детство на то оно и детство! Салтанат всегда обращалась к нему просто «Юлдаш». А сейчас — он так обрадовался: в этом коротеньком, ласковом «ака» усмотрел красноречивое обещание. Он вынул из кармана сигарету, но вспомнил, что зажигалку оставил в машине, а главное, спохватился, что курить здесь неудобно, и сунул сигарету в карман.

Тем временем показалась Салтанат с Бехзодом на руках. Мальчик, сонный, со спутанными волосиками, морщил нос и тер глаза маленькими кулачками, он готов был в любую минуту заплакать.

Юлдаш почувствовал себя целовко, между ним и Салтанат оказался хотя и маленький, но третий человек. Он хотел приласкать малыша, взять его за ручку, но тот отвернулся, прижался к матери и заревел.

— Это пустяк, легкая дань воспоминаниям, — перешел на скороговорку Юлдаш. — У нас дома очень много вещей, до которых мне дела нет, — откуда они, зачем, не спрашиваю никогда. Жене не обязательно обо всем докладывать мужу.

Салтанат смутилась, но промолчала. Юлдаш простился и ушел.

Салтанат поспешно захлопнула дверь. Сердце ее бешено колотилось, голова слегка кружилась — от волнения и чего-то еще, не испытанного ранее, сулящего новые ощущения, перемены в жизни.

«Надо же! Сколько всего наговорил он здесь... «Жене не обязательно докладывать...» Это, видимо, означает, что я не должна докладывать Азизу?.. «Помните мое обещание?» Господи, что же он обещал? Разве упомянул детскую легковесную болтовню?! — Салтанат рассмеялась и, переполненная радостью, звонко поцеловала Бехзода. — Сколько лет минуло с тех пор, однако он ничего не забыл. Как интересно!»

Мысль о том, что он «не забыл», показалась ей очень значительной. Она усадила сына на диван, а сама принялась развязывать шелковую ленту, разворачивать сверток. В нем были две хрустальные вазы. Она бережно взяла одну из них и повертела в руках. Ваза в лучах солнечного света засверкала всеми цветами радуги. Салтанат повернулась к шкафу с посудой. Там стояла хрустальная конфетница, подаренная ей матерью на свадьбу. Каждую неделю она бережно протирала ее и вновь ставила на место, как главное украшение. Сегодня она показалась ей тусклой и бедной. Подаренные Юлдашем вазы были ручной филигранной работы, современной формы.

«Каждая из них небось стоит не меньше ста рублей, — прикинула Салтанат. — Что же это за обещание такое, вот любопытно! Он не забыл, это главное! Прошло столько лет, а он не забыл, бедняга! Значит, думал обо мне, вспоминал! Не напрасно бегал за мной следом... Любил. Недаром подружки твердили мне, что я его первая любовь. Видно, на роду мне написано — и эта встреча, и радость, разве я виновата? А любовь конечно же слепа! Надо же — такой видный, интересный, а любит меня! Как жизнь, однако, устроена: что рядом с тобой, перед глазами — не ценишь; лежит на ладони — выбрасываешь собственными руками... Эх, разве я одна такая? У всех почему-то глаза раскрываются на мир и счастье поздно. Слишком поздно. И приносит это прозрение одни только слезы. Вот уж поистине — что имеем, не храним, а потерявши, плачем... Сколько лет позади, а он ничего не забыл!.. Дурачок! Совсем такой же смешной, как раньше... Ой, вспомнила, вспомни-

ла! Он говорил о том, что случилось в десятом классе! В день начала экзаменов! Да, да, именно об этом. Я несла цветы, мама поставила мне их в вазу с водой, а он разбил ее...»

Салтанат, нарядная и торжественная, шла на первый экзамен. На улице она встретила Юлдаша и остановилась как вкопанная: так изменился он за три года. Она тут же мысленно сравнила его с Азизом. Конечно, Азиз красивее, но и Юлдаш привлекателен, — может быть, дерзким блеском в глазах. Юлдаш всюду дымил сигаретой — она впервые видела его курящим. Юлдаш широко, не скрывая радости, улыбнулся, быстренько бросил на землю сигарету, энергично придавил ее подошвой. Он заметно раздался в плечах и, что особенно рассмешило Салтанат, отпустил усы. Его густые волосы курчавились еще больше.

Они разговорились, как хорошие друзья. Салтанат — да что там Салтанат, вся школа! — знала, что Юлдаш безнадежно вздыхает по ней. Раньше это стесняло ее, сковывало в обращении с ним — будто она перед ним виновата. Вместе с тем она мучила парня, исподтишка подсмеивалась, чувствуя над ним свою власть. Юлдаш, озорной, своевольный, сорвиголова, терялся в присутствии Салтанат и только восхищенно глядел на нее, готовый по одному ее знаку сделать возможное и невозможное. Она мучила его, кокетничала, одним словом, подкладывала новые порции дров в костер, который горел в его влюбленной мальчишеской груди. Ребята дразнили Юлдаша — девчонка веревки из тебя выт, свернула тебя в бараний рог...

Салтанат снесла на экзамен и, конечно, очень трусила, потому и не расспросила Юлдаша о его житье-бытье. Зато Юлдаш теперь не трусил и не стеснялся. Он наклонился, чтобы понюхать цветы, которые были у нее в руках.

— Какие прекрасные цветы. Для кого они предназначены? — он взял Салтанат за руку.

Она отпрянула и с опаской огляделась по сторонам: улица большая, вдруг увидит кто-нибудь. Она быстро сунула букет Юлдашу, тот схватил его и при этом не заметил, что цветы находятся в маленькой фарфоровой вазе. Ваза разбилась вдребезги. Брюки Юлдаша, новые туфли Салтанат забрызгались водой. Цветы были в руках юноши, шипы роз впились ему в ладонь, ему было боль-

но, но он терпел и только — уже робко — смотрел на Салтанат. Потом они дружно рассмеялись.

— Не сердитесь, Салтанат, — попросил Юлдаш, стряхивая капли воды с брюк. — Я подарю вам вазу из золота. Когда-нибудь!

— Вы случайно не на золотых приисках работаете? — задорно воскликнула девушка.

— Нет, но теперь придется, чтобы вернуть вам долг.

Салтанат взяла цветы и побежала в школу... А Юлдаш глядел ей вслед и думал, что любит эту девчонку уже целых четыре года, что никто другой не будет ему дорог так, как она, та, из-за которой он столько перенес невзгод и горестей... Когда он наконец понял, что она не любит его и за его спиной смеется над ним, он перестал даже смотреть в ее сторону: что он, зря, что ли, самый сильный и заметный парень в школе!

Потом жизнь развела их. Салтанат как-то столкнулась с ним в библиотеке, он тогда уже учился в политехническом институте. Встреча была короткой: «здравствуй — прощай»...

Салтанат слышала от подруг, что Юлдаш окончил институт, рано женился и, кажется, уезжал куда-то за границу работать. Она сама была замужем, и новости о Юлдаше оставляли ее равнодушной. Юлдаш был для нее лишь одним из тех мальчиков, которым она когда-то кружила головы своей красотой, своим веселым и капризным нравом...

Салтанат ласково поглаживала то одну, то другую вазу: «Они как весточки из моей юности. Светлые, блестящие. Но что же я скажу Азизу?!.. Столько лет, а даже такой мелкий эпизод сохранил в памяти! И такой же отчаянный, как раньше! Подумать только: вошел в дом безо всяких предупреждений и церемоний — и не побоялся! А что мужчинам? Все для них просто. А вдруг он похвастается передо мной? Своей щедростью и деньгами? Напрасно я взяла эти вазы, ой напрасно. Верну, обязательно верну. Пока спрячу. Хотя Азиз может их и не заметить — он же ничего не видит на свете, кроме своего хлопчатника».

Салтанат вновь и вновь погружалась в воспоминания о школе, родительском доме, подружках, и так ей было от-
радно, будто юность вернулась к ней, легкая, беспечаль-

ная. К матери тихоенько подполз Бехзод и уцепился ручонками за ее ноги.

— Охрана ты моя! Душа моя! — Салтанат принялась теревить-тормозить сынишку. Он заливался смехом, и был этот смех таким заразительным, что и Салтанат рас-смеялась тоже.

Она открыла сундук, завернула вазы в свадебный свой наряд и сунула их вниз, в уголок. Сверху положила грудку одеял, подушки.

Открыв холодильник на кухне, она внимательно изучила его содержимое. Ей хотелось на ужин изобрести блюдо повкуснее.

4

Научно-исследовательский институт селекции находится на окраине города и соседствует с колхозными полями. Здание института построено еще до войны: окна большие, коридоры просторные, потолки высокие. У входа на длинном шесте красуется большой герб, когда-то яркий, а теперь потускневший, блеклый. На фронтоне начертано: «Хлопок — наше богатство». Три высокие, изрядно послужившие, ступени ведут к тяжелым дубовым дверям. По обеим сторонам дверей громоздкие железобетонные чаши с цветами, напоминающие по форме коробочки хлопка. Сразу за раздевалкой начинается длинный коридор, справа и слева — кабинеты.

Через стеклянные двери видно, что кабинеты эти похожи один на другой как близнецы: тот же размер, та же мебель — светлые шкафы и столы, заваленные горами бумаг, рулонов. В конце коридора, однако, это однообразие исчезает: здесь глаз радуют новехонькие блестящие журнальные столики, кресла, обитые пестрой тканью, веселенький линолеум на полу. На стендах — образцы различных сортов хлопчатника, графики, таблицы; подоконники уставлены цветами. Табличка с крупным шрифтом — «Директор», она четко выделяется на двери, обитой черным свеженьким дерматином.

За этой торжественной дверью открывается большущая приемная, напоминающая размером добрый двор. Справа — между окном и стеной — возвышаются напольные часы в человеческий рост. Слева — аккуратно прибранный стол, за которым восседает секретарша. Вдоль стены

выстроились стулья для посетителей. Со стен с портретов взирают на входящих Дарвин, Мичурин, Тимирязев и другие великие ученые.

Кабинет Азиза и Шорасула недалеко от директорского. В этом свои преимущества и свои недостатки. Рядом с мозговым центром института быть хорошо: быстрее других узнаешь новости, всегда в курсе всего, чем живет, чем дышит коллектив. Вот только заждавшиеся Расула Алла-яровича посетители охотно заглядывают в соседний кабинет на перекур и отрывают от дел.

Азиз пришел на работу в воскресенье. В институте, где обычно спуют люди, гулко раздаются их голоса и смех, сегодня было пусто и господствовала такая непривычная, неестественная тишина, что Азиз никак не мог заставить себя сосредоточиться и поработать. Склонившись над своим выдавшим виды столом, который он давно собирался выбросить на свалку, Азиз перебирал материалы исследований. Глаза его лишь скользили по цифрам, выкладкам, схемам. Мысли его были далеко. Вот уже три года, как кончился его аспирантский срок. Он по-прежнему — лаборант, все с той же мизерной зарплатой, с теми же проблемами — неналаженный быт, нервная, вечно недовольная жена; все это загоняло его в тупик. Он невольно погружался в мелкие заботы, мелочные тревоги, которые казались таковыми ему, но не Салтанат. Он со страхом ловил себя на мысли, что перестает верить в дело, которому решил посвятить себя. И даже истина, которую он втолковывает, внушает жене — труды и муки наши потом окупятся сторицей, — стала казаться ему сомнительной. Только работа, спасительная работа помогала ему забывать о житейских неурядицах, о «прозе быта», как он мысленно называл каждодневные семейные будни, помогала ему чувствовать себя над ними, выше их и шаг за шагом продвигаться вперед, вперед к цели, к осмыслению, к окончательной победе, к одолению того, что должен был он одолеть, осмыслить, победить. Он, селекционер Азиз Касымов.

Как прекрасна, как возвышенна человеческая жизнь, которая окрылена благородной мечтой, высокой целью, ради которой работаешь, не считаясь ни с трудами, ни с временем. Как светлы твои дни, когда ты не утратил надежду и веру в собственное призвание, в собственную миссию, да, да, именно — в миссию! Тогда ты полон

оптимизма и ждешь, знаешь, что завтрашний день будет днем Открытия во имя людей!

Увы, действительность и мечты — разные, далекие друг от друга понятия. Сейчас на душе Азиза — мрак и темень. Он так и не сомкнул глаз в эту ночь и опять думал, думал — все о том же: кругом виноват он сам. И напрасно он называет жену, когда они ссорятся, «мещанкой», а себя — «человеком науки». Салтанат просто обыкновенная молодая женщина. Ей хочется жить нормально, легко, не отказывая себе в необходимом. В конце концов она терпела их скудную, скучную жизнь не один год, другая давно бы взбеленилась!..

Азиз откинулся на стуле, взглянул на потолок — вои они свисают, два вентилятора, словно два орла, приготовившиеся к пику. Они даже летом не крутятся, лишь покрываются пылью. Однажды он попытался привести вентиляторы в движение — они так задребезжали, что он чуть не оглох!.. Даже это ему не удалось, даже эти мертвые птицы оказали ему сопротивление — сиди и не суй нос за привычные рамки!.. Всегда и везде — барьеры, препятствия. Вон, в стеклянных стендах, образцы последних сортов хлопчатника, они и то заперты на ключ... Комната, где Азиз провел уже несколько лет, вроде бы и высокая, и широкая, все равно в ней стены и всего лишь четыре угла... Так и жизнь — и она имеет пределы! Нравственные, физические. Самое страшное — жизнь так коротка и быстротечна, как же следует экономить время! Попробуй экономь, когда кругом одни барьеры и преграды... Вот это поручение, например. Из-за него приходится тащиться в институт в выходной день, сидеть тут — считать, сопоставлять, подводить итоги... Взять бы жену и сына и махнуть к отцу в кишлак! Или куда-нибудь за город, на простор — подышать свежим вольным воздухом. Как обрадовалась бы Салтанат! Ей жизнь показалась бы милее. А тут сиди и занимайся черновой работой за директора, по сути — выполняй его собственные, его личные обязанности! «Меня ждет моя работа, а ты приводи в порядок таблицы, подсчеты Расула Аллаяровича! Сделаны они наспех, неумело, без какого-то уважения даже к делу. А мне поручено «сравнить, сопоставить, сверить, взвесить, чтобы все было в ажуре!». Какой там «ажур»? Нет сил и времени

остановиться, оглянуться на собственную жизнь, не то что вылизывать чужие материалы! Я и не отдыхал даже толком никогда. Будто я робот, обреченный — раз и навсегда — только на работу. Корплю, корплю, будто у меня нет ни сердца, ни нервов, ни чувств, желаний простых, человеческих. Я и в самом деле как механизм. Салтанат права, и это выводит ее из себя больше всего. Я забыл — она забыла! — как улыбаются жене, шутят; все время мрачный, измотанный, унылый! Сам бы от себя бежал. Да некуда!»

Азиз тяжело поднялся из-за стола, подошел к шкафу, с треском открыл створки, сплошь захваченные пальцами. Он извлек толстую папку, мало чем отличающуюся от десятка других, — разве пыли на ней было поменьше.

Из приемной Расула Аллаяровича послышался бой часов. Азиз замер и ждал, когда часы перестанут бить: пустые и оттого печальные коридоры отражали их звон особенно гулко и тревожно. Звон этот будто зывал о помощи. Азиз живо представил себе эти старинные, в человеческий рост, часы, и они показались ему забытыми, одинокими, как и он сам. Но если этим часам из приемной враз откликнулись боем часы в кабинете директора, то ему, Азизу, не откликнулся никто. Никто его не слышит, никто не хочет подать голос, знак: мол, и я здесь, рядом, и сердце мое бьется в унисон с твоим...

Азиз с грустью подумал, что небось и Расул Аллаярович сейчас отдыхает, забыв о своем лаборанте и этих злосчастных таблицах и цифрах. До мелочей ли ему, когда у него на плечах целый институт... Несмотря на бремя ответственности, Расул Аллаярович выглядит значительно моложе своих пятидесяти лет. Выше среднего роста, с открытым симпатичным лицом, приятным баритоном, звучащим всегда ровно и приветливо, директор неизменно вежлив, спокоен, в курсе дел и событий каждого отдельного сотрудника и всего института в целом. Кажется, у него нет слабостей, кроме, пожалуй, одной — забавной и безобидной. Он любил красивые очки в элегантных оправках. У него их был целый набор, из его карманов торчали обычно две-три пары. Он подбирал их в соответствии с требованиями моды, словно на все случаи жизни, словно они гарантировали

ему разную, но всегда правильную и точную реакцию на все, что происходило в мире и вокруг, рядом.

Вчера, когда Азиз вошел к нему в кабинет, Расул Аллаярович положил в футляр одну пару очков, достал другую и водрузил на нос. Он встал навстречу Азизу из-за своего орехового стола с ножками, похожими на львиные лапы, и плавным жестом показал ему на кресло.

— Азизджон, как дела? — улыбнулся он ласково.

— Рахмат, домла.

— Оставьте вы свое «спасибо». По глазам вижу, что-то вас заботит, тревожит. В чем дело? Выкладывайте, не стесняйтесь. Если не мне — то кому же еще говорить сотрудникам об их проблемах?

— Нет-нет. Спасибо. Ничего особенного. Просто мне слегка нездоровится.

— Нездоровится? Или, может, вы больны? Если так, то надо обратиться к хорошему врачу. Это в наших силах, мы можем это устроить. — Расул Аллаярович погладил холеными пальцами широкие свои брови и устремил на Азиза глаза, полные дружеского расположения.

— Рахмат, домла, за внимание и участие. Я просто чуть-чуть простудился.

— Ну что ж, отлично, коли «чуть-чуть». Если, случаем, нужна какая-нибудь помощь, то не стесняйтесь...

Повадки директора Азиз знал хорошо. Если у него возникает необходимость дать кому-либо поручение посерьезнее, чем обычно, то он начинает издали, обязательно расспросит о житье-бытье, потом поинтересуется научной работой.

— Азизджон, как ваши эксперименты? Когда мы узнаем о результатах? Что ваш руководитель — помогает вам?

Азиз слегка пожал плечами. Затем, словно решившись, сказал:

— Мухиддин Джаббарович придерживается своего мнения по-прежнему. Он считает, что я занимаюсь сомнительными экспериментами, а не научным исследованием. «Вы не в рационализаторской конторе служите, а в храме науки работаете, а стало быть, обязаны видеть на десять, двадцать, сорок лет вперед», — повторяет он мне, как и прежде. В общем, он недоволен мной, подсмеивается над моими опытами, хотя с ними не знаком. Правда,

прямо о них он сам меня не спрашивает, не интересуется ими, наверно, как бесперспективными, а вот другие мне охотно пересказывают его слова и реплики, — заключил Азиз печально

Расул Аллаярович почувствовал себя неуютно. Ему следовало как-то выразить свое собственное отношение к сказанному, то есть поддержать либо Мухиддина Джаббаровича, либо Азиза. Однако он не любил определенные, четкие суждения — ни чужие, ни свои, они причиняли ему неудобства, лишали возможности лавировать, смягчать, сглаживать. То есть лишали того, что было его правилом, его стилем, его защитной броней.

— Ничего, ваш руководитель, по-видимому, еще не вник как следует в вашу работу, очень занятой он человек... Ну, а вы сами довольны результатами, сколько лет вы уже работаете?..

Азиз не спешил с ответом. Да и что можно объяснить вот так, на ходу? Особенно о самом больном, когда тебя замучили именно эти проклятые результаты. И несколько лет назад, когда он только начинал эксперимент, и тогда он слышал этот же вопрос — «есть результаты?». Как будто бы в селекции сразу, с маху можно добиться результата! Когда Сергей Матвеевич был жив, он грудью вставал на защиту Азиза, пресекал пустые, никчемные толки и шуточки, что-де Азиз взялся потрясти мир сверхгениальным открытием. А сейчас?.. Как тут быть, когда идея Азиза опрокидывает многие устоявшиеся представления, с которыми людям трудно расстаться? Он хочет бороться с вилтом новыми средствами. Если уж быть до конца научно добросовестным, то в этом способе и особой новизны нет, он давно известен в науке. Однако он прочно забыт, ему многие годы не придают значения, выбросили из научно-практического обихода — и все тут. Создалась привычная пылеинерция, а инерцию преодолевать ой как тяжело!

Азиз тщательно изучил труды Вавилова о тяжелых болезнях земледелия, проштудировал опыты Мичурина и все больше убеждался в правоте своей идеи... В самом деле, одни химические препараты, одни ядовитые вещества, которыми мы так увлеклись в последние годы, не решают проблемы. Вилт так быстро приспосабливает-

ся к внешней среде, что он может приспособиться — и приспособливается — к любым химическим средствам защиты растений от болезней. Поэтому будущее хлопчатника связано, по мнению Азиза, с выведением новых вилтоустойчивых сортов. Химические же средства против вилта должны стать вспомогательными.

Идею Азиза никто вслух, явно не отрицает. Но только как общую идею. Когда же дело доходит до конкретной работы, до применения ее на практике, многие ученые, и в их числе Мухиддин Джаббарович, противятся этому с завидным упорством. Азизу порой кажется, что его руководитель охотно раздавил бы его, как крота, роющего кропотливо никому не нужную яму. Однако... Однако не опасается ли он, что Азиз роет ему, академику, яму?

Азиз был близок к истине. Честолюбивый, болезненно самолюбивый, Мухиддин Джаббарович привык к тому, что его авторитет всегда и везде — выше всего. Он был убежден, что работа Азиза — пустая, ненужная затея, затея с потугами на талант и славу. Есть, уже давно имеются, слава аллаху, прекрасные сорта хлопчатника. Тот же знаменитый сорт «Ф», им самим когда-то выведенный! Кроме того, в исканиях и трудах Азиза он усматривал намек — опасный намек! — на то, что он, академик Джаббаров, уже долгие годы бездействует, не создал больше ни одного сорта, существенно отличающегося от прежних. Мухиддин Джаббарович конечно же знал, что вилт, как бешеная река, захватывает все большие и большие посевные площади. Он понимал, что есть в этом доля и его вины, и его ответственности — ведь он уже многие годы главный и неоспоримый авторитет в хлопководческой науке... Однако время упущено, поздно, да и трудно ему теперь заниматься новоизобретениями: подотстал от науки, современных ее достижений, по привычке к почету да президиумам. Он успокаивал, утешал себя тем, что бороться с хлопковыми болезнями можно и некардинальными методами — вот хотя бы с помощью химии. Недаром же она получила такое развитие, сколько средств на нее ассигнуется! Мухиддин Джаббарович утешал себя и тем, что в селекции хлопчатника был допущен вакуум, так сказать, по нужде, по необходимости. Он помнит, что уже в предвоенные годы почти не придавалось должного значения

хлопково-люцерновым севооборотам. Надо было давать стране как можно больше хлопка... Молодой, энергичный, знающий Мухиддин Джаббаров не мог в те годы не осознавать, что пренебрежение к науке, к ее законам приведут в будущем к плачевным результатам. Однако плыть против течения не отваживался. На его глазах сторопники хлопково-люцернового севооборота терпели поражения и поношения в прессе, на собраниях и заседаниях. Некоторых вовсе отлучили от науки, обвинив во всех смертных грехах... Да и отдельные сорта вполне оправдывали себя на протяжении многих лет, давали хорошие, устойчивые урожаи — не жалей только минеральных удобрений!..

Азиз знал, что Мухиддин Джаббарович снискал себе славу, выдвинулся как раз в смутные, трудные для их науки годы. Это настораживало его, мешало ему приблизиться к Мухиддину Джаббаровичу. Но он знал также, что в самый разгар войны, в 1942 году, Джаббаров вывел сорт «Ф» — а это было действительно научным подвигом. Сорт тогда же приняла государственная сортоиспытательная комиссия. Рассказывают, что Джаббарова вернули обратно в институт буквально с вокзала, прямо с воинской повесткой в руках — чтобы он продолжил свою научную работу... Кончилась война, Мухиддин Джаббарович стал доктором наук, профессором, потом академиком, долгие годы руководил академическим институтом, был членом всяческих комиссий, отделений и тому подобное.

А в общем-то, он был для Азиза пока не до конца разгаданным ребусом: такой талант — и такой консерватор одновременно! Скорее всего — чрезмерная слава, головокружение от успехов, лень порождают успокоенность, внутреннюю лень у таких людей, как Мухиддин Джаббарович. И как конечный результат — упадок селекции хлопководства в целом. Азиз часто размышлял: неужели Джаббаров сам этого не чувствует, не винит себя — хотя бы наедине с собой. Ведь совесть есть у каждого. Неужели косность и самовлюбленность завели его так далеко, что он не видит явного, не признает собственные ошибки? «Пусть другие сделают хотя бы толику того, что сделали мы, — тогда и потолкуем» — первая его реакция даже на робкую критику. «Мы себя не щадим, теперь очередь молодых. Посмотрим,